

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ*

© 2017 г. В. А. Даниелян¹

Аннотация. Предлагается аналитический обзор исследований, посвященных вопросу о том, какие факторы определяют возраст выхода работников с рынка труда на пенсию. В данном обзоре рассмотрены работы, в которых анализируются социально-экономические показатели. Описаны и сопоставлены результаты как теоретических, так и эмпирических работ. Такой подход позволил выявить имеющиеся в литературе разногласия и сформулировать вопросы, подлежащие дальнейшему изучению. В обзоре представлены различные взгляды на механизм влияния ожидаемой продолжительности жизни на экономическую активность пожилых людей. Приведены результаты, касающиеся воздействия технического и организационного прогресса, уровня безработицы, страховой медицины, доступности сферы услуг и особенностей культуры на пенсионное поведение работников. В свете полученных выводов представлен сравнительный анализ факторов, влияющих на возраст прекращения трудовой деятельности в РФ и за рубежом.

Ключевые слова: детерминанты пенсионного возраста, экономическая активность пожилых, продолжительность жизни, НТП, культурные особенности.

Классификация JEL: J26, J14.

1. ВВЕДЕНИЕ

Возраст выхода на пенсию — важный показатель, влияющий на предложение труда, уровень сбережений в экономике, соотношение численности пенсионеров и занятого населения и другие ключевые показатели состояния экономики страны. Данный обзор дополняет проведенный ранее анализ (Даниелян, 2016а, 2016б) рассмотрением социально-экономических параметров возраста выхода с рынка труда на пенсию, в числе которых величина ожидаемой продолжительности жизни, продуктивность труда, уровень здравоохранения, конъюнктура рынка труда, доступность сферы и особенности культуры исследуемой страны.

Имеющиеся обзоры по этой теме (Mitchell, Fields, 1981; Nakola, 2002; Gustman, Steinmeier, 2014; Riedel, Hofer, 2013)² либо рассматривают узкий круг факторов, либо не содержат достаточно развернутого анализа опубликованных результатов. В работе (Назаров и др., 2014) авторы приводят краткий обзор литературы и представляют анализ влияния широкого спектра факторов на экономическую активность пожилых людей в России. Однако перечисленные выше социально-экономические характеристики страны находятся за рамками интересов этого исследования, так как оно посвящено экономике отдельной страны, в то время как роль указанных факторов больше проявляется при межстрановых сопоставлениях. Не нашли социально-экономические показатели отражения и в предыдущих обзорах (Даниелян, 2016а, 2016б), поэтому в данной работе предпринята попытка восполнить этот недостаток. Как и ранее, в анализе литературы со- вмещено два приема: во-первых, как и в (Назаров и др., 2014), исследования по разным странам *классифицированы по представленным в них показателям возраста выхода на пенсию*; во-вторых, по примеру (Mitchell, Fields, 1981), теоретические и эмпирические работы рассмотрены отдельно. *Использованный подход дает возможность оценить, насколько имеющаяся теория объясняет обнаруженные на практике взаимосвязи для каждого фактора.* В дополнение работа включает

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-02-00234а) «Методология проектирования институциональных реформ».

¹ Владимир Александрович Даниелян — научный сотрудник лаборатории математической экономики, ЦЭМИ РАН, Москва; v.danielyan@gmail.com.

Автор выражает особую благодарность Виктору Мееровичу Полтеровичу (руководитель работы, заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН, д.э.н., академик РАН профессор). Автор также выражает признательность за полезные комментарии Юрию Николаевичу Гаврилычу (заведующий лабораторией математической социологии ЦЭМИ РАН, д.э.н., профессор) и Ольге Анатольевне Кислицыной (заведующая сектором проблем измерения качества жизни ИЭ РАН, д.э.н.).

² Автор признателен О. А. Кислицыной за указание на этот и ряд других источников.

сравнительный анализ факторов, определяющих возраст прекращения труда в России и за рубежом в свете полученных выводов. Как и в (Даниелян, 2016а, 2016б), мы сосредотачиваемся на *возрасте выхода с рынка труда на пенсию* (age of labour market exit), так как именно эта переменная является предметом исследования большинства представленных в обзоре работ. Итак, возраст выхода с рынка труда – возраст, в котором человек прекращает полную или частичную занятость; в англоязычной литературе также встречается синоним «exit age from labour force», который можно условно перевести как *возраст прекращения экономической активности*. Заметим, что прекратить экономическую активность может и работник из младшей возрастной группы – например вследствие травм, болезней и проч. Но так как объектом исследования рассмотренных работ чаще всего является *поведение* работников старших возрастов, то их уход с рынка труда естественным образом понимается как выход на пенсию (хотя некоторые модели допускают последующий возврат людей из пенсии на рынок труда, как в (Berkovec, Stern, 1991)).

Наш обзор показал, что влияние *ожидаемой продолжительности жизни* на возраст выхода с рынка труда зависит *от особенностей динамики смертности*: снижение смертности в трудоспособных возрастах приводит к более раннему выходу на пенсию, а снижение смертности в старших возрастных группах – к более позднему (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015). Если обобщить результаты относительно влияния НТП, то эмпирически установлено, что неожиданные скачки темпа НТП ведут к более раннему выходу на пенсию, в то время как стабильный темп НТП в сочетании с соответствующим темпом обучения на месте работы способствует более позднему прекращению труда (см. (Bartel, Sicherman, 1993)). Выводы о влиянии уровня безработицы неоднозначны: обнаруживается (как вполне ожидаемое) отрицательное воздействие на возраст прекращения труда и менее очевидное положительное влияние (эффект «дополнительного работника» в (Рошин, 2003)). Обнаруженные эмпирические исследования чаще всего приводят к заключению о незначительном влиянии отмены (и введения) всеобщего медицинского страхования на возраст выхода работников на пенсию (Gustman, Steinmeier, 2014; Johnson et al., 2008).

Фактор доступности сферы услуг проявил значимое влияние на экономическую активность женщин старшего возраста (Farré et al., 2009; Romiti, Rossi, 2011). Относительно недавние исследования (Galasso, Profeta, 2011) обнаруживают связь между культурными особенностями страны и характеристиками ее пенсионной системы.

Приведенные в разд. 3 сравнения дают основание предположить, что динамика ожидаемой продолжительности жизни и уровня безработицы в России за последние 15 лет скорее способствовала более позднему прекращению труда россиян, а перспектива дальнейшего роста продолжительности трудового периода возможна при более стабильных и высоких темпах НТП. Сравнение РФ с другими странами внутри БРИКС показало, что страны группировки, характеризующиеся меньшей ожидаемой продолжительностью жизни населения после 65 лет, обладают и более низким нормативным пенсионным возрастом (кроме ЮАР), и Россия не составляет в этой группе исключения.

Изложение данной работы построено следующим образом. В разд. 2 рассмотрены социально-экономические факторы, определяющие возраст выхода с рынка труда на пенсию и некоторые связанные с ними индивидуальные факторы (п. 2.4 – индивидуальная производительность труда, п. 2.7 – фактор пола). В разд. 3 проведен сравнительный анализ пенсионного возраста в России и за рубежом с учетом полученных в обзоре результатов и намечены возможные направления более детального анализа. В разд. 4 подведены итоги.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРАНЫ

2.1. Ожидаемая продолжительность жизни. Теория. Фактор ожидаемой продолжительности жизни рассмотрен в (Kalemli-Ozcan, Weil, 2010). Авторы показывают, что снижение смертности двояко влияет на возраст прекращения труда. С одной стороны, при высокой смертности человек вынужден работать до последних лет жизни: сберечь деньги на старость неоптимально, так как велика вероятность не воспользоваться ими по причине ранней смерти – авторы называют это «эффект неуверенности». При снижении смертности эффект неуверенности убывает (сокращается риск не воспользоваться сбережениями), и некоторую часть жизни можно посвятить досугу – в этом случае возраст прекращения труда снижается. С другой стороны, рост

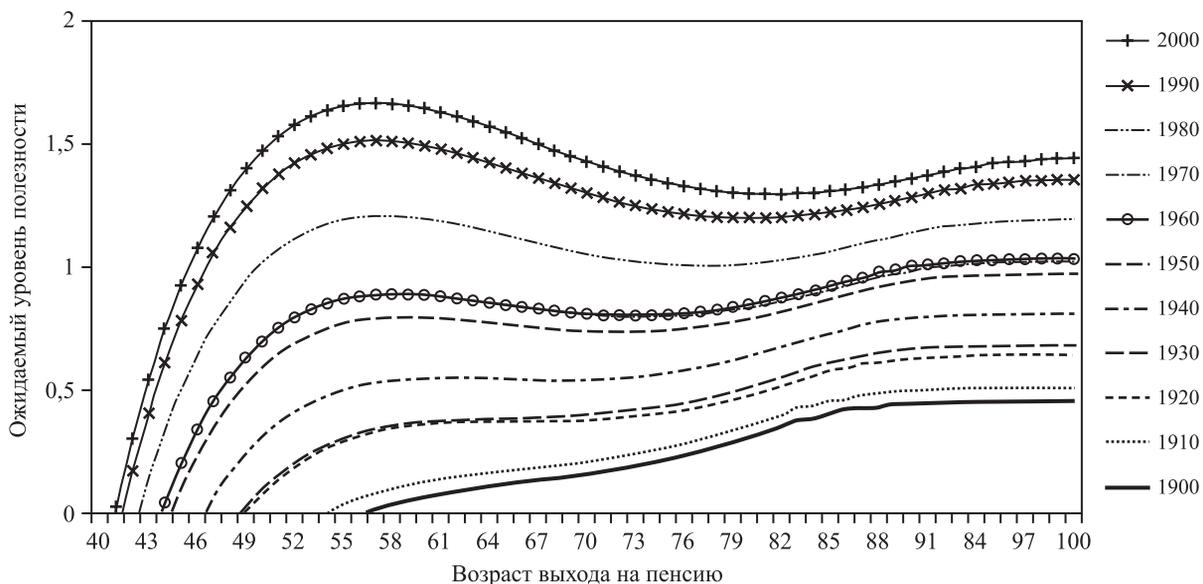

Рис. 1. Ожидаемый уровень полезности — функция возраста выхода на пенсию

Источник: (Kalemli-Ozcan, Weil, 2010, Figure 13).

Примечание. Оптимальным является возраст с максимальным уровнем полезности. Авторы отмечают, что по сути в 1980-х годах видна смена оптимального поведения с «Никогда не выходить на пенсию» на «Выходить на пенсию в 57».

продолжительности жизни ведет к повышению объема *совокупного потребления*, и при прочих равных работать для обеспечения этого потребления придется дольше, т.е. возраст прекращения труда должен повыситься. Авторы называют это «эффект горизонта». В модели жизненного цикла авторы показывают, как из этих двух соображений складывается итоговый эффект. Во-первых, в модели с постоянной вероятностью смерти (одинаковые коэффициенты смертности для всех возрастов) авторы показывают, что возраст прекращения труда, действительно, может снижаться с ростом ожидаемой продолжительности жизни вследствие ослабления эффекта неуверенности. Во-вторых, авторы приводят модельные расчеты на фактических данных смертности США 1900–2000 гг., результаты которых отображены на рис. 1. Из монотонно возрастающего графика для 1900-х годов видно, что оптимальным поведением в то время было работать всю жизнь. График для 1990-х годов имеет пик полезности при прекращении труда в возрасте 57 лет, т.е. видна произошедшая за столетие смена оптимальной модели поведения с «Никогда не выходить на пенсию» на «Выходить на пенсию в 57». Таким образом, на фактических данных показано, как рост продолжительности жизни может привести к более раннему выходу на пенсию.

В исследовании (Mao et al., 2014) использован схожий с (Kalemli-Ozcan, Weil, 2010) подход. Проведен анализ чувствительности оптимального возраста прекращения труда к изменению параметров модели. Как ни странно, авторы отмечают, что из всех рассмотренных факторов изменение смертности, по их оценке, менее всего влияет на возраст выхода на пенсию по сравнению с такими факторами, как доход и начальный уровень потребления³.

Эмпирика. Исследователи отмечают снижение пенсионного возраста на фоне роста продолжительности жизни (см., например, для ОЭСР 1960–1995 гг. — (Cremer et al., 2008, Table 1); для США 1948–1974 гг. — (Boskin, 1977, Table 1.1; Montalto et al., 2000)). Предположительная связь этих двух величин — продолжительности жизни и возраста выхода на пенсию — изучена в работах (Hazan, 2009; Hansen et al., 2011) и (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015).

Перечисленные три исследования используют в качестве основы модель Бена-Пората, предложенную в (Ben-Porath, 1967). Суть этой модели заключается в предположении, что человек

³ Факторы разместились следующим образом, по убыванию силы влияния на оптимальный возраст выхода на пенсию: начальный уровень и темп роста зарплат; величина начального потребления; процентная ставка; величина относительного неприятия риска, субъективная ставка дисконта; смертность.

выбирает оптимальный уровень инвестиций в человеческий капитал в соответствии с отдачей, которую этот капитал ему принесет в будущем. Одним из выводов модели является существование так называемого механизма Бена-Пората: положительной связи между оптимальным числом лет образования и ожидаемой продолжительностью жизни. Механизм Бена-Пората имеет отношение к возрасту прекращения труда, так как длительность образования влияет на длительность карьеры (показано (Hazan, 2009), обсуждается далее), а в сумме они задают возраст выхода на пенсию.

Автор (Hazan, 2009) показывает, что необходимым и достаточным условием работы механизма Бена-Пората является положительная связь между числом часов труда за время жизни и ожидаемой продолжительностью жизни — проще говоря, когда с ростом продолжительности жизни человек дольше сохраняет экономическую активность. Однако проблема состоит в том, что это условие противоречит ситуации в развитых экономиках, где наблюдаются как раз обратные процессы (Hazan, 2009, Fig. 10). Продолжая это направление работы, авторы (Hansen et al., 2011) устраняют эту проблему, ослабив предположение относительно доступности для работников совершенного финансового рынка: в такой постановке проблемы показано, что оптимальным ответом человека на рост ожидаемой продолжительности жизни может быть увеличение длительности обучения и одновременно снижение будущего числа часов труда, *если* инвестиции в образование окупаются в виде *более высокой почасовой ставки оплаты труда*.

Авторы (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015) также отталкиваются от результатов (Hazan, 2009) и показывают, что влияние изменения ожидаемой продолжительности на возраст выхода на пенсию зависит от того, для каких возрастных групп снижается смертность. На данных Швеции (для когорт 1865–2000 г. рождения) они показывают, что возраст ухода с рынка труда зависит от ряда следующих факторов.

1. Возраст, в котором происходит снижение смертности. Показано, что для рожденных:

— до 1920 г. снижение смертности касалось в основном *трудоспособных возрастов*, и при этом наблюдался более ранний выход на пенсию;

— после 1920 г. снижение смертности затронуло в основном старшие возрастные группы, и при этом наблюдался более *поздний* выход на пенсию (см. (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015, Fig.5)).

2. Отдача от инвестиций в человеческий капитал.

3. Межвременная эластичность замещения.

Помимо теоретического, дано также следующее интуитивное объяснение наблюдения, упомянутого в первом пункте. Если снижение смертности затрагивает только трудоспособный возраст, то растёт ожидаемое число лет труда, а следовательно, и ожидаемый полученный за всю жизнь доход. Если доминирует эффект дохода, то работник приобретает себе дополнительные годы досуга — видимо, именно это имело место для жителей Швеции, рожденных до 1920 г. и ушедших на пенсию относительно рано. Снижение же смертности в возрасте старше трудоспособного увеличивает ожидаемое число лет жизни, но не совокупный доход, чтобы поддержать прежний уровень жизни, необходимо увеличивать число лет труда и выходить на пенсию позже.

Сопоставление. Обнаруженные исследования свидетельствуют об отрицательной связи между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом ухода с рынка труда (Hazan, 2009). Более детальный анализ имеющихся теоретических моделей показывает, что при определенных условиях *более поздний выход на пенсию*, действительно, может быть оптимальным ответом на *рост ожидаемой продолжительности жизни* (Hansen et al., 2011; Kalemli-Ozcan, Weil, 2010). Авторы (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015) показывают это в модели с человеческим капиталом и обращают внимание на изменение отдельных коэффициентов смертности (для трудоспособных и старших возрастных групп). Также (Kalemli-Ozcan, Weil, 2010) в менее сложной постановке обнаруживают, что более ранний выход на пенсию при росте продолжительности жизни можно объяснить снижением риска ранней смерти, которая в ином случае делает пенсионные сбережения непривлекательными.

Из этих результатов можно сделать несколько выводов. Первый состоит в том, что важно учитывать, какую возрастную группу затрагивают изменения смертности, и в связи с этим необходимо учитывать не только динамику общего уровня продолжительности жизни, но и изменения смертности в определенных возрастных группах (в частности, в старших возрастах). Другой вывод заключается в том, что связь ожидаемой продолжительности жизни с возрастом ухода с рынка труда скорее всего включает *сложное взаимодействие процессов накопления человеческого капитала и сбережений*.

2.2. Технический прогресс. В исследованиях пенсионного поведения, затрагивающих тему научно-технического прогресса (НТП), часто упоминается фактор устаревания навыков (skill obsolescence). Понимая устаревание навыков как процесс обесценивания человеческого капитала, авторы (Grip, Loo, 2002) выделяют следующие виды этого устаревания:

1) техническое – случаи обесценения человеческого капитала, вызванные естественными процессами:

- заболеваниями и травмами (утрата навыков);
- неиспользованием умений (атрофия навыков);

2) экономическое устаревание навыков – случаи обесценения человеческого капитала по причине снижения рыночной оценки данного набора навыков.

Кроме НТП, в литературе также обсуждается *организационный прогресс*, под которым понимается появление инновационных методов организации труда: производство и поставка точно в срок (just-in-time), децентрализация принятия решений в компании и проч.

Эмпирика. В работе (Bartel, Sicherman, 1993) на данных США подтверждаются две гипотезы о влиянии НТП на возраст прекращения труда: 1) когда темп НТП и темп обучения работников по месту работы *коррелированы*, работники дольше сохраняют экономическую активность; 2) неожиданное изменение темпа НТП побуждает работников старших возрастов уйти с рынка труда раньше, так как требуемый объем переобучения будет непривлекательным вложением средств (см. также (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015)).

В отношении влияния организационного прогресса (Aubert et al., 2006) на данных фирм Франции обнаруживают, что *организационные инновации* в большей степени действуют на вероятность ухода работников из компании (в отличие от технологических нововведений, которые больше влияют на вероятность найма работника определенного возраста). Показано, что применение организационных инноваций в компании сокращает вероятность ухода работников с рынка труда, но для людей старшего возраста этот эффект слабее, чем для более молодых. К похожим выводам приходят (Beckmann, 2007) для Германии. Таким образом, действие технологических и организационных инноваций, видимо, дает больше преимуществ на рынке труда работникам младших возрастных групп. В связи с этим повышается вероятность того, что работники старших возрастов, находящиеся в менее выигрышных условиях, предпочтут ранний выход на пенсию продолжению работы.

Сопоставление. Эмпирический анализ свидетельствует о том, что темпы *научно-технического и организационного* прогресса оказывают влияние на пенсионное поведение работников. Несмотря на наличие гипотез, которые могли бы лечь в основу некоторой структурной модели (Bartel, Sicherman, 1993), в рассмотренной литературе не найдено исследований, где были бы применены детерминированные или стохастические структурные модели. Возможно, литературу в этой части можно дополнить, рассмотрев описанную в п. 2.1 модель Бена-Пората и попытавшись ввести в нее описание процесса устаревания человеческого капитала.

2.3. Рынок труда. При исследовании пенсионного поведения игнорирование сложности трудоустройства работников *старшего возраста* может привести к некорректно высокой оценке важности влияния прочих факторов. Авторы (Desmet et al., 2005) указывают, что это особенно касается европейских стран, где структурные изменения в экономике привели к появлению проблем в трудоустройстве у работников старших возрастных групп и последующему росту досрочных выходов на пенсию.

Теория. В (Croix et al., 2013) проведен анализ в рамках модели с перекрывающимися поколениями с *трениями на рынке труда*. Постановка общего равновесия позволяет авторам учесть изменение цен факторов производства при демографических шоках. Параметры модели были откалиброваны на макроэкономических данных Франции. Прогнозы, полученные по итогам имитационного анализа, показали, что рост спроса на труд повышает экономическую активность пожилых людей. Это является реакцией старшей группы работников на повышение *вероятности* найти работу.

Автор (Hutchens, 1999) указывает на то, что досрочный уход на пенсию может быть следствием действия фирм, *максимизирующих прибыль*, а не результатом максимизации полезности работника, как это предполагается обычно. В случае шоков спроса и структурных сдвигов в экономике компании могут предлагать работникам такие условия выхода на пенсию, которые рациональный человек отвергать не станет. В связи с этим выдвинуто предположение, что досрочный выход на пенсию изначально был введен как альтернатива увольнению, чтобы таким образом страховать экономику от безработицы. Однако тем самым система социальной защиты *неявно субсидирует затраты компаний на увольнение работников* и по сути *напрямую поощряет ранний выход на пенсию*.

Эмпирика. Влияние проблем трудоустройства на рост числа досрочного выхода на пенсию рассмотрено в (Dorn, Sousa-Poza, 2010). Исследование основано на данных 19 промышленно развитых стран. Авторы обнаруживают, что в некоторых странах Европы, например в Германии и Португалии, более половины досрочно вышедших на пенсию людей заявили, что их выход на пенсию не был добровольным. В отличие от этих стран в США большинство ушедших на пенсию сделали свой выбор добровольно. Кроме того, обнаружено, что рост уровня безработицы и жесткая законодательная защита труда положительно связаны с долей недобровольных досрочных выходов на пенсию.

В (Blöndal, Scarpetta, 1999) авторы отмечают роль безработицы: по их расчетам, рост безработицы среди молодого населения (25–54 лет) на 1 п.п. может в долгосрочной перспективе привести к снижению экономической активности работников старшего возраста (55–64) на 0,6–0,9 п.п. в странах ОЭСР. Авторы (Nakola, Uusitalo, 2005) на примере пенсионной реформы в Финляндии находят свидетельства того, что при появлении государственных механизмов досрочного выхода на пенсию фирмы начинают стимулировать работников использовать эту возможность и уйти из компании как можно раньше. Это подтверждает предположения (Hutchens, 1999) о подобном поведении работодателей. О давлении работодателей на старших работников и их дискриминации в Европе см. также (Schmähl, 2003) и (Taylor, 2001). Также в (Dorn, Sousa-Poza, 2010) описано, как правила системы социальной защиты стимулируют такое поведение фирм.

В противовес описанному выше (Рощин, 2003) на российских данных РМЭЗ (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ) 1994–2000 гг. обнаруживает, что уровень безработицы положительно влиял на экономическую активность пожилых людей в России в исследованном периоде. Автор объясняет это эффектом «дополнительного работника», когда пожилые люди выходят на рынок труда, чтобы застраховать доход домохозяйства на случай возможной потери работы основными кормильцами. Это согласуется с выводом (Гурвич, Сониная, 2012) об отсутствии серьезных ограничений для пожилых на российском рынке труда (данные 2005 и 2009 г.). Однако анализ (Клепикова, 2013) для РФ 2000–2010 гг. показал, что в регионах с более высокой безработицей наблюдается *более низкая* экономическая активность пожилых людей, особенно в период 2008–2010 гг.

Сопоставление. Эмпирический анализ показывает, что снижение безработицы среди молодого населения *повышает* экономическую активность в старшей возрастной группе. В рамках модели общего равновесия (Croix et al., 2013) этому найдено следующее теоретическое объяснение: рост занятости среди молодого населения вызван повышением спроса на труд, который также повышает вероятность трудоустройства и для пожилых работников. При этом анализ ситуации в России в 1994–2000 гг. показывает, что более высокий уровень безработицы, напротив, *стимулировал* экономическую активность пожилых. Этот результат можно объяснить *эффектом дополнительного работника* и отсутствием проблем в трудоустройстве пожилых в России. Однако

анализ данных последующего периода 2000–2010 гг. обнаруживает, что более высокая безработица связана с *более низкой* экономической активностью пожилых в регионах РФ. Если оба этих результата верны, то, вероятно, в 2000-е годы произошло какое-то изменение связи безработицы с возрастом прекращения труда в России, причины которого требуют дополнительно исследования.

2.4. Дополнительные замечания: производительность. Обычно в моделях жизненного цикла (например, (Cremer et al., 2004)) работник выходит на пенсию в возрасте, в котором ценность досуга для него становится выше *оценки полезности труда*. Эта полезность труда для индивида определяется величиной вознаграждения за труд, а та, в свою очередь, зависит от *предельного продукта* его труда (в классической постановке – с совершенным рынком труда). Таким образом, производительность, как минимум, в теории, влияет на пенсионное поведение работника. Рассмотренная выше тема научно-технического прогресса затрагивает и тему производительности труда, поэтому необходимо кратко прокомментировать влияние и этого индивидуально-го фактора.

Для эмпирического анализа описанной выше теоретической цепочки «от производительности – к возрасту выхода на пенсию» необходим подходящий измеритель производительности труда. Используемое обычно предположение о совершенстве рынка труда позволяет принять в качестве такого измерителя наблюдаемый *уровень дохода работника*. Полученные таким путем выводы, видимо, естественным образом повторяют имеющиеся результаты о влиянии фактора дохода на пенсионный возраст, уже широко представленные в литературе (см. описание результатов в (Даниелян, 2016b)). Однако отказ от предположения совершенства рынка труда потребует поиска альтернативного измерителя. В исследовании (Troshkin, Shourideh, 2014) авторы в сносках отмечают, что в *качестве эксперимента* ими была предпринята попытка *построить* показатель продуктивности, опираясь на имеющиеся данные и условия оптимальности потребления, однако они заключают, что структурная оценка такого показателя выходит за рамки их работы. Из этих рассуждений следует, что поиск *подходящего измерителя производительности* требует дополнительных исследований, и – судя по относительно недавнему времени публикации работы (Troshkin, Shourideh, 2014) – на данный момент эта проблема актуальна.

2.5. Доступность сферы услуг. Теория. Теоретический анализ (Apps, Rees, 2001) свидетельствует, что в семьях с традиционным укладом, где жена занята в основном домашним хозяйством, наибольшая часть затрат на выращивание детей возмещается материнским уходом за ребенком и продуктами домашнего производства, и гораздо меньшую часть составляют рыночные продукты – по сравнению с нетрадиционными семьями, где жена работает на рынке труда, как и муж. Основываясь на этой посылке, можно предположить, что доступность услуг ухода за детьми дала бы возможность женщинам заменить собственную работу по дому наемным трудом и увеличить свое участие на рынке труда.

В работе (Romiti, Rossi, 2011) с использованием модели жизненного цикла исследованы решения о раннем прекращении труда работников, которым необходимо ухаживать за престарелыми родственниками. На данных Италии авторы обнаруживают, что иммиграция и дешевизна услуг по уходу за престарелыми родственниками приводят к *повышению возраста ухода с рынка труда среди женщин*⁴.

Эмпирика. Анализируя данные о домохозяйствах США 1980 г., (Blau, Robins, 1988) обнаруживают *отрицательный коэффициент эластичности* занятости женщин по цене услуг ухода за детьми. Следовательно, можно предположить, что более низкие цены на эти услуги позволили бы женщинам дольше оставаться на рынке труда.

В работе (Farré et al., 2009) использована гипотетическая связь между притоком дешевой рабочей силы в Испанию и ценами на услуги по уходу за домом, детьми и престарелыми. Эмпирический анализ показал, что иммиграция привела к *росту предложения труда квалифицированных коренных жителей-женщин*. Причем наибольший рост экономической активности наблюдался

⁴ По оценкам авторов, рост доли иммигрантов в общем населении страны на 4 п.п. за 2000–2008 гг. привел к повышению возраста выхода на пенсию почти на год среди женщин, чьи родители остались живыми.

среди женщин, проживающих с мужем-пенсионером или имеющих в домохозяйстве пожилого родственника мужского пола, кроме мужа (обычно родитель или свекор). То, что реакция была наиболее выраженной среди этой категории населения, подтверждает предположение, что причиной более позднего ухода на пенсию является именно *повышение доступности услуг*.

Сопоставление. Таким образом, эмпирический анализ показывает, что доступность сферы услуг связана с более высокой занятостью женщин и их более поздним выходом на пенсию; при этом для мужчин подобных результатов не обнаружено. Теория отражает это в модели распределения затрат времени по уходу за детьми в семье (Apps, Rees, 2001) и в модели выбора между затратами личного времени и покупкой услуг по уходу за нуждающимися в этом родственниками (Romiti, Rossi, 2011)⁵.

2.6. Культура, традиции, семейный уклад. Теория. Авторы (Galasso, Profeta, 2011) замечают, что в некоторых странах, например в Великобритании, обязательства детей перед родителями никогда не были закреплены законодательно, в то время как во Франции, например, дети несли ответственность за здоровье и благосостояние пожилых родителей *по закону*. Соответственно, внутрисемейные связи в первой группе стран они называют *слабыми*, а во второй — *сильными*. В странах со слабыми внутрисемейными связями поддержка со стороны детей больше походит на страховку от нищеты. Авторы показывают, что эти особенности были перенесены в возникшие впоследствии институты общества, в частности в *пенсионные системы*. Проведенный ими эмпирический анализ показывает, что пенсионные системы возникают в странах со слабыми внутрисемейными связями раньше, чем в других, и имеют характер *страховки от нищеты*, а размеры пенсионных пособий отличаются высокой степенью уравнительности. В странах с сильными внутрисемейными связями пенсионные системы возникают относительно позже и имеют более сложную структуру и *отличаются большими размерами пособия*. На основании полученных авторами выводов можно предположить, что в странах с более *сильными внутрисемейными связями* более распространен *ранний выход с рынка труда*, так как более щедрые пенсионные системы устанавливаются более высокий *неявный налог* на труд пожилых людей⁶. В связи с изложенным выше интересно выглядит вывод (Гурвич, Сониная, 2012) о том, что российская пенсионная система имеет выраженный *уравнительный характер* и ориентирована в большей степени на обеспечение *гарантированного минимального дохода* нетрудоспособным, чем на сглаживание уровня потребления на протяжении жизненного цикла. В свете полученных (Galasso, Profeta, 2011) выводов это значит, что Россия должна принадлежать к странам со слабыми внутрисемейными связями. В какой мере это соответствует действительности — вопрос отдельного исследования, результаты которого могли бы частично ответить на вопрос, насколько существующая пенсионная система России *соответствует культурным особенностям* страны.

Эмпирика. Авторы (Mosca, Pogorelova, 2015) исследуют трудовое поведение иммигрантов во втором поколении, проживающих в 26 странах Европы, чтобы оценить влияние отношения к доходу в различных культурах на предложение труда ее носителей. Возраст прекращения труда не исследовался, но было выяснено, что *культурные особенности* влияют как на *уровень занятости*, так и на *число часов труда женщин*. Аналогично (Pastore, Tenaglia, 2013) обнаруживают влияние *религии на уровень экономической активности женщин* в возрасте 18–60 лет (данные 47 европейских стран).

Авторы (Aggarwal, Goodell, 2013) в ходе эмпирического анализа обнаруживают связь некоторых *культурных факторов с характером пенсионной системы страны*. Авторы находят, что уравнительные пенсионные системы *менее распространены* в странах с более высокой степенью маскулинности⁷, неприятия неопределенности, индивидуализма, ориентации на отдаленное будущее, более высоким уровнем защищенности права на труд, экономического неравенства и доверия в обществе. Напротив, характер пенсионной системы *более уравнительный* в странах с более благоприятным экономическим и социальным положением женщин, высокой степенью

⁵ Более специфический вопрос влияния иммигрантов на процесс пенсионных реформ проанализирован с применением OLG-модели в (Lagos, Lacomba, 2005).

⁶ См. также (Galasso, Profeta, 2004) о связи *политической поддержки* пенсионных реформ с культурными особенностями страны, в частности — *совместным проживанием взрослых детей с родителями*.

⁷ Используются культурные переменные, предложенные в (Hofstede, 2001).

распространения католического вероисповедания, а также более выраженной подотчетностью государственной власти избирателям.

Сопоставление. Обнаружена связь ряда разнородных культурных факторов с пенсионным поведением и занятостью в Европе (Mocan, Pogorelova, 2015; Pastore, Tenaglia, 2013) и с характером действующей в стране пенсионной системы (Aggarwal, Goodell, 2013). Результаты теоретического исследования (Galasso, Profeta, 2011) о взаимоотношениях между силой внутрисемейных связей и характером пенсионной системы можно использовать для оценки соответствия российской пенсионной системы культурным особенностям страны.

2.7. Дополнительные замечания: гендерный фактор. Как видно из рассуждений в п. 2.6 и 2.5, пол работника влияет на его пенсионное поведение. Имеющиеся теоретические конструкции, как правило, не содержат априорных различий в поведении мужчин и женщин. Имеется в виду, что в (Gustman, Steinmeier, 2000), например, авторы специфицируют отдельные функции полезности для мужа и жены, но эти функции одинаковы с точностью до индекса, обозначающего гендер. В этом случае любые обнаруженные различия в поведении интерпретируются как последствия различий в экономических условиях для мужчин и женщин: различный нормативный возраст выхода на пенсию, ожидаемая продолжительность жизни, уровень заработной платы, дискриминация на рынке труда и проч. В то же время в эмпирической литературе есть свидетельства того, что воздействие некоторых факторов различается для мужчин и женщин не только по силе, но и по знаку:

1) авторы (Назаров и др., 2014) находят, что пребывание в браке повышает вероятность выхода на пенсию для женщин, но снижает — для мужчин (данные РМЭЗ ВШЭ за 2002–2012 гг.);

2) в (Клепикова, 2013) обнаружено, что в России мужчины больше реагируют на финансовые стимулы, а для женщин более значимы такие социальные факторы, как наличие супруга или проживание с детьми и внуками (РМЭЗ ВШЭ 2000–2010 гг.);

3) есть свидетельства различного влияния фактора образования ((Назаров и др., 2014), (Riedel et al., 2015) для ЕС);

4) также авторы (Hernæs, Jia, 2012; Gruber, Orszag, 2003) обнаруживают, что женщины и мужчины с разной силой реагируют на некоторые пенсионные реформы.

Перечисленные выше результаты и выводы п. 2.5 дают основание считать, что для понимания факторов, влияющих на пенсионное поведение женщин, нужно принимать во внимание различие ролей, которые играют мужчина и женщина в семье и обществе. В связи с этим для большего соответствия теоретических моделей действительности представляется целесообразным не только выделять в модели мужчин и женщин, но также попытаться отразить возможные априорные различия в их восприимчивости к некоторым факторам. В частности, это касается семьи: например, если традиционно забота о воспитании детей в семье возложена на женщину, то это можно отразить уже на уровне спецификации модели⁸.

2.8. Здравоохранение, медицинское страхование. Рассмотрим влияние системы медицинского страхования на пенсионное поведение работников. Большинство исследований в этой области проведено на данных экономики США. Там трудящийся по найму работник, как правило, имеет медицинскую страховку по месту работы (employment health insurance) и по достижении 65 лет получает право на государственную медицинскую страховку Medicare. Это значит, что решивший выйти на пенсию до 65 лет работник подвергается риску нести дополнительные высокие медицинские расходы, так как лишается страховки работодателя и еще не имеет государственной. Стремление избежать этот риск приводит к так называемому эффекту «удержания на месте работы» (job lock), когда страховка работодателя удерживает работника от раннего выхода на пенсию. Следовательно, в 65 лет исчезает, возможно, существенный стимул продолжать трудиться, что может сказаться на решениях работников о выходе на пенсию.

Теория. Используя данные США 1983–1986 гг., авторы (Gustman, Steinmeier, 1994) находят, что наличие медицинского страхования несущественно влияет на предложение труда. К такому же

⁸ Более подробно о факторе несовершеннолетних детей см. в (Даниелян, 2016b).

выводу приходят авторы (Lumsdaine et al., 1994 (см. корпоративные данные США, 1982 г.)) и (Blau, Gilleskie, 2008), исследуя неприятие к риску. Авторы (French, Jones, 2011) дополняют последнюю работу возможностью сбережений и обнаруживают, что повышение возраста наступления права на государственное медицинское страхование с 65 до 67 лет должно привести к росту продолжительности трудовой жизни работника на 0,074 года – т.е. менее одного месяца. Несмотря на эту относительно небольшую оценку эффекта, авторы замечают, что поднятие нормативного пенсионного возраста с 65 до 67 лет, по оценке их модели, окажет примерно такой же эффект. Из этого они сделали вывод, что изменения в системе медицинского страхования так же важны, как и изменения в пенсионной системе, хотя, следует отметить, что такой ход рассуждений оставляет вопросы к адекватности прогнозов модели.

Эмпирика. В (Gustman, Steinmeier, 2014) авторы используют имитационный анализ с помощью оцененной структурной модели, чтобы выяснить, как изменилось бы поведение работников, если бы после ухода на пенсию им предоставляли медицинскую страховку независимо от возраста (данные США, 1992–2006 гг.). По оценке авторов, эффект этой меры невелик; она приводит к снижению занятости в старшей возрастной группе менее чем на один процентный пункт для любого возраста. В совокупности это воздействие повышает возраст выхода на пенсию менее чем на месяц. (Chou, Staiger, 2001) для Тайваня находят несколько более масштабное снижение занятости, возникающее при предоставлении медицинского страхования незанятым людям.

По результатам эмпирического анализа, проведенного на данных США, (Johnson et al., 2008) обнаруживают положительную статистическую связь между ожиданием респондентом высоких медицинских расходов после 65 лет и длительностью его пребывания на рынке труда в старости, однако эта связь обладает слабой статистической значимостью⁹.

Сопоставление. Эмпирический анализ в большинстве случаев обнаруживает *незначительное влияние* отмены или введения всеобщего (независимо от возраста) медицинского страхования на возраст прекращения труда. Это – неожиданный результат, так как теоретически эффект «удержания на работе» (job lock) должен стимулировать экономическую активность работников, как минимум, до получения права на государственное медицинское страхование. Возможно, для объяснения связи медицинского страхования с решением работника выходить на пенсию было бы полезно дополнить теоретический анализ более детальным описанием процесса выхода на пенсию.

3. ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОЗРАСТА ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В (Даниелян, 2016а) уже был получен вывод, что россияне обращаются за пенсией существенно раньше нормативного пенсионного возраста, но прекращают работу значительно позже. Как следствие, различия в возрасте выхода с рынка труда между работниками России и ОЭСР меньше разницы в нормативном пенсионном возрасте. Однако некоторое отставание от стран ОЭСР все же имеется и в возрасте прекращения труда – особенно это касается женщин, как это видно на рис. 2.

В свете рассмотренных в обзоре результатов можно предположить, что *сочетание действия экономических факторов* в странах ОЭСР по сравнению с ситуацией в РФ дает в среднем *больше стимулов* продолжать трудиться в старшем возрасте. Таким образом, развитые страны могут служить некоторым ориентиром при постановке задачи повышения экономической активности пожилых, глядя на имеющееся там сочетание стимулов можно предположить, изменение каких факторов в экономике России потенциально может привести к более позднему уходу работников с рынка труда.

Однако такое прямолинейное сравнение *имеет существенные недостатки*. Во-первых, следует учитывать, что среди детерминант, попавших в поле зрения исследователей, могло *не оказаться* существенных экономических факторов, без которых межстрановые сравнения будут некорректными. Во-вторых, кроме экономических параметров, вероятно, важную роль играют

⁹ См. также (Kail, 2011) о влиянии медицинского страхования на возврат пенсионеров на рынок труда.

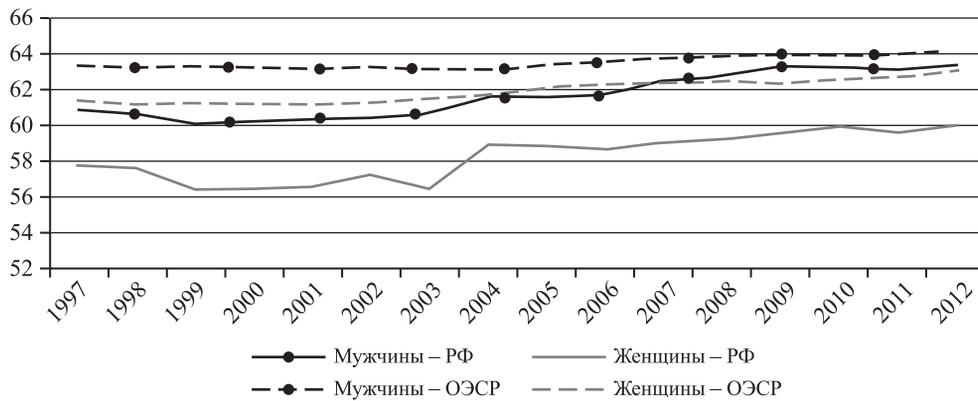

Рис. 2. Возраст выхода с рынка труда на пенсию, Россия и ОЭСР, 1997–2012 гг.

Источник: Levin, 2015.

и другие, например психологические факторы (Beehr et al., 2000; Elovainio et al., 2005; Karasek, 1979; Vermeer et al., 2014). Поэтому выделенные ниже различия позволяют только выявить, насколько возраст выхода на пенсию в России *соответствует* наблюдаемой в стране ожидаемой продолжительности жизни, продуктивности труда, безработице и проч., где под «соответствием» понимается степень близости (в том числе статистической) ситуации в России к средней – по международной выборке. На основании этого можно будет реально предположить, какие меры должны привести к росту продолжительности труда в России, *но проверка этих предположений в каждом случае требует специального исследования.*

Ожидаемая продолжительность жизни. Автор (Соловьев, 2012) отмечает более низкую продолжительность жизни россиян при рождении и в возрасте 65 лет по сравнению с этим показателем в ОЭСР, а также тот факт, что до пенсионного возраста в России доживают лишь треть мужчин и половина женщин. Также указано на то, что число лет, *проведенных на пенсии*, в России составляет 14,1 и 23,6 лет – соответственно для мужчин и женщин, а в среднем по ОЭСР – 23,6 и 21,4 лет.

Рассмотрим произошедшие в России с 1960-х годов изменения показателя смертности (рис. 3 и 4). На графиках изображена численность населения, дожившего до заданного возраста. Каждому пятилетнему периоду соответствует одна линия. Сопоставляя эти линии, можно получить представление о динамике возрастной смертности. Попытаемся применить результаты (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015), которые в упрощенном виде можно сформулировать так: снижение смертности в трудоспособном возрасте скорее ведет к более раннему выходу на пенсию, а в возрасте старше трудоспособного – к более позднему. Графики для мужчин показывают, что в 1960–2004 гг. смертность росла во всех трудоспособных возрастах, за исключением наиболее ранних (верхний сектор рис. 3). Если выводы (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015) верны и в обратную сторону, то возраст ухода с рынка труда должен был расти и в этот период. Соответственно, для женщин в возрастах до 50–54, т.е. в большей части трудоспособного периода, за тот же отрезок времени смертность снизилась (верхний сектор рис. 4), что должно было привести к снижению возраста прекращения труда среди женщин в этот период. Для периода 2000–2014 гг. выводы менее очевидны, так как смертность во всех возрастных группах снижалась и для мужчин, и для женщин. Рассуждая подобно (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015), можно предположить, что возраст выхода на пенсию должен был бы расти в 2000–2014 гг., так как возросла продолжительность жизни. Судя по графикам на рис. 2, это соответствует действительности, хотя, конечно, подобные утверждения требуют более глубокого обоснования. Возможно, такое обоснование удастся получить, проведя для России анализ, аналогичный сделанному (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015) для Швеции.

Научно-технический прогресс. Информация по показателю «уровень ВВП на час труда» представлена в базе данных OECD.Stat¹⁰. Значение показателя России в 1995 г. составляло 31%

¹⁰ OECD.Stat (http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDB_LV).

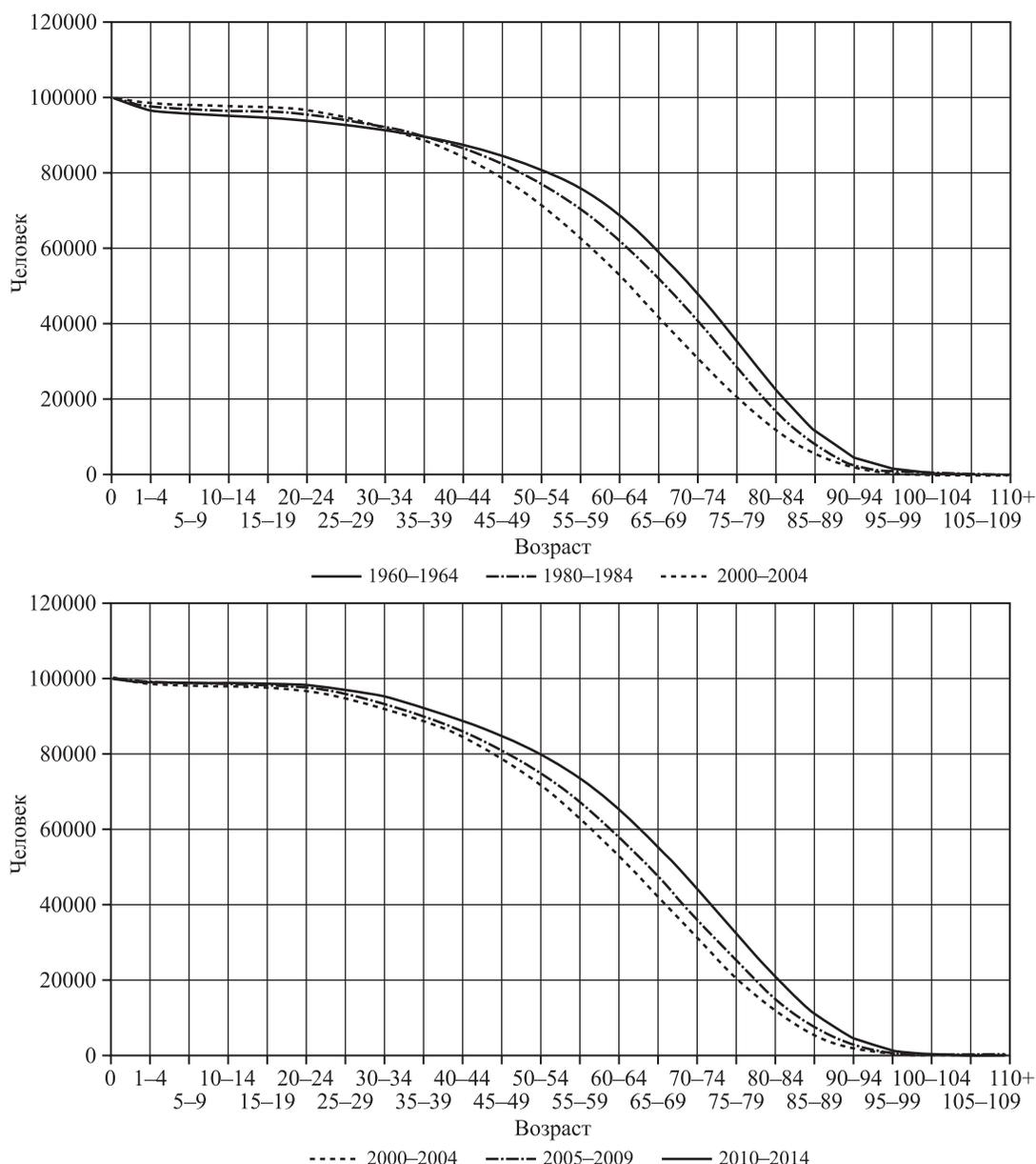

Рис. 3. Число мужчин, доживших до заданного возраста (РФ)

Источник: Human Mortality Database, <http://www.mortality.org>.

величины показателя США за тот же год; 34 и 33% – уровня групп стран Большой семерки (G7) и ЕС19 соответственно. К 2014 г. отношение этого показателя у России к США составило 36, к G7–42, к ЕС19–43%. Эти данные дают основания предположить, что за последние десятилетия производительность труда в российской экономике выросла, и разрыв этой величины между Россией и промышленно развитыми странами несколько сократился, хотя после 2009 г. темп роста производительности существенно снизился. Вероятно, часть наблюдаемого роста, действительно, объясняется НТП, но причиной изменений в разные периоды могли быть и другие процессы, например *восстановление экономики после трансформационного спада* начала 1990-х.

Имеющиеся исследования на эту тему свидетельствуют о необходимости *стабильного* темпа прогресса как об одном из условий увеличения продолжительности пребывания работников на рынке труда. Даже если весь наблюдаемый в российской экономике рост вызван НТП, его значительное замедление в 2009 г. не позволяет говорить о его стабильности. Более точные измерители

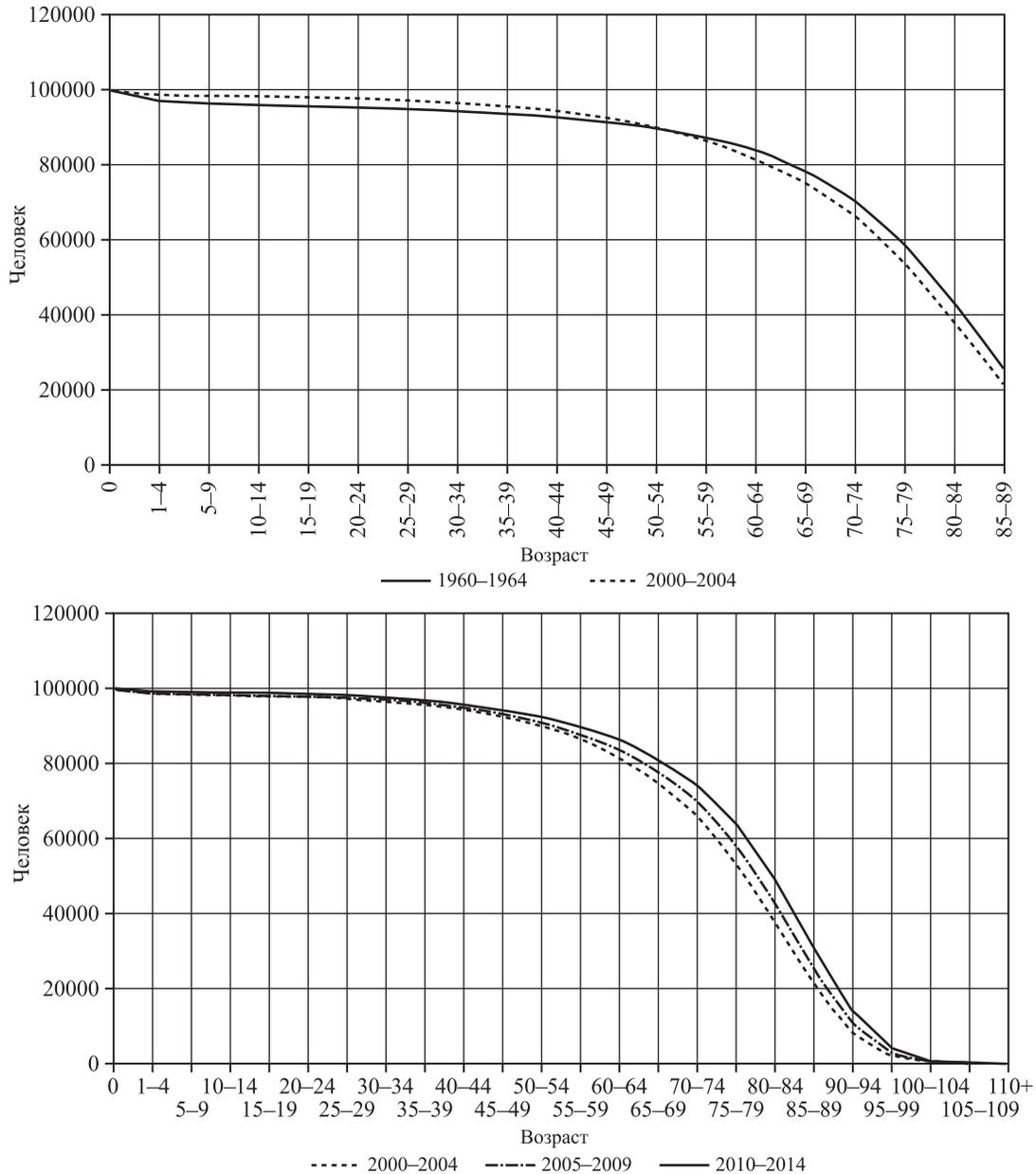

Рис. 4. Число женщин, доживших до заданного возраста (РФ)

Источник: Human Mortality Database, <http://www.mortality.org>.

Примечание. Изменения 1960–2000-х годов для женщин были незначительными, поэтому для ясности на верхнем графике приведены только крайние периоды 1960–1964 и 2000–2004 гг. (а также возрастные группы только до 90 лет).

темпа научно-технического прогресса в России и за рубежом позволили бы провести более глубокий анализ в этом направлении.

Конъюнктура рынка труда. Рассмотрим данные по рынку труда в России и за рубежом. Согласно базе данных МОТ¹¹ уровень безработицы среди населения младших возрастов (25–54 лет) в России снижался в течение 1999–2008 гг. и упал с 11,7 до 5,3%. Согласно более поздним данным Росстата этот показатель достиг пика 6,3% в 2009 г., и с начала 2012 г. он колеблется в диапазоне

¹¹ Laborsta, tabl. “1A Total, economically active population, by age group (Thousands)” и “3B Unemployment, by age group (Thousands)” (<http://laborsta.ilo.org>).

Таблица. Возраст выхода на пенсию и некоторые экономические показатели стран БРИКС, 2012 г.

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни, годы		Население старше 65 лет, % трудоспособное	Пенсионный возраст, год		Возраст прекращения труда, год	
	при рождении	после 65 лет		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Бразилия	73,8	18,3	8,0	65	60	70,7	64
Китай	75,2	15,6	9,5	60	55	66,8	62
Россия	67,9	14,4	13,2	60	55	63,3	60
Индия	66,3	13,7	5,5	58	58	–	–
ЮАР	57,1	13,2	5,7	60	60	66,3	62,1
ОЭСР (справка)	80,0	19,3	16,2			64,2	63

Источники: OECD, 2015, 2014.

3–4%¹². Для сравнения: средний уровень безработицы в возрастной группе 25–54 лет по странам ОЭСР с 2009 по 2014 г. держится около 7%¹³.

По результатам имеющихся исследований, в странах с высоким уровнем безработицы более распространен ранний выход работников на пенсию. Таким образом, ситуация на российском рынке труда создает благоприятные условия для более позднего прекращения труда как по отношению к ситуации в прошлом, так и в сравнении с промышленно развитыми странами. Тем не менее для получения более обоснованных выводов необходимо дополнительное исследование, так как (Рошин, 2003), например, обнаруживает на данных РФ 1992–2000 г. действие эффекта «дополнительного работника» (более подробно см. п. 2.3).

Ситуация в странах БРИКС. В заключение было бы интересно сравнить ситуацию в России со странами, не входящими в ОЭСР, например с другими членами БРИКС (дискуссию об обоснованности включения этих стран в одну группу см. в (Armiĳo, 2007)). Ключевые характеристики и нормативный пенсионный возраст, представленные в докладе (OECD, 2015), сопоставлены с фактическим возрастом ухода с рынка труда (см. (OECD, 2014, p. 105), (OECD, 2015, p. 168)) и приведены в таблице.

Как видно из данных, представленных в этой таблице, возраст ухода с рынка труда в России сопоставим с этим показателем в других странах БРИКС с учетом ожидаемой продолжительности жизни после 65 лет: чем меньше эта величина в перечисленных странах, тем раньше происходит прекращение труда – исключение составляет ЮАР, обладающая наименьшей ожидаемой продолжительностью жизни после 65 при сравнительно высоком возрасте прекращения труда – 66,3 и 62,1 для мужчин и женщин соответственно.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Детерминанты экономической активности пожилых. Подведем итоги обзора. Связь *ожидаемой продолжительности жизни с возрастом выхода с рынка труда* оказалась достаточно сложной: снижение смертности в трудоспособных возрастах приводит к более раннему выходу на пенсию, а снижение смертности в старших возрастных группах – к более позднему (Fürnkranz-Prskawetz et al., 2015). Имеющаяся теория объясняет это влиянием эффекта дохода при увеличении продолжительности трудовой жизни (в случае снижения смертности в трудоспособном возрасте) и желанием поддержать имеющийся уровень потребления при растущей длительности жизни

¹² Росстат: Обследование населения по проблемам занятости, выпуски 2006–2014 гг. (<http://www.gks.ru/>).

¹³ Расчет по OECD.Stat, Dataset: LFS by sex, age (<http://stats.oecd.org>).

на пенсии (в случае снижения смертности в старших возрастах). Имеются также и другие интерпретации – так, авторы (Kalemli-Ozcan, Weil, 2010) связывают более поздний выход на пенсию с отсутствием сбережений на старость, вызванным опасением не воспользоваться накоплениями в случае ранней смерти.

В эмпирических работах обнаружена положительная связь между экономической активностью пожилых женщин и доступностью сферы услуг (Farré et al., 2009). В теории этот результат отражен в модели выбора между затратами личного времени и покупкой услуг по уходу за нуждающимися родственниками (Romiti, Rossi, 2011) и, частично, в модели распределения временных затрат по уходу за детьми в семье (Apps, Rees, 2001).

В эмпирической литературе также чаще обнаруживается, что такие реформы, как отмена и введение всеобщего медицинского страхования, незначительно влияют на возраст выхода работников на пенсию (Gustman, Steinmeier, 2014; Johnson et al., 2008). Отметим, что эти результаты касаются не собственно качества доступных для работников медицинских услуг, а устройства системы здравоохранения, в частности особенностей влияния правил медицинского страхования на решение прекратить трудиться. Возможно, иные результаты были бы получены при рассмотрении здравоохранения с точки зрения его влияния на уровень смертности и трудоспособность.

Приведенные в последнем разделе данные вместе с полученными в обзоре выводами говорят о том, что произошедшее в России за последние 15 лет снижение смертности и уровня безработицы способствуют скорее более позднему прекращению труда россиян. Потенциал дальнейшего увеличения длительности труда может быть реализован при повышении темпа НТП. Сравнение некоторых социально-экономических показателей стран БРИКС с Россией показывает, что в странах–членах группировки нормативный пенсионный возраст тем ниже, чем ниже ожидаемая продолжительность жизни после 65, в этом смысле ситуация в России укладывается в общую картину БРИКС, в то время как ЮАР в этой группе составляет исключение.

Проблемы. Вероятно, теоретическую литературу можно дополнить, рассмотрев описанную в п. 2.1 модель Бена-Пората и попытавшись ввести в нее параметры устаревания человеческого капитала, обсуждаемые в эмпирических работах, посвященных влиянию НТП на пенсионный возраст (Aubert et al., 2006; Bartel, Sicherman, 1993).

Требуется изучения влияние безработицы на возраст выхода на пенсию в РФ, так как выводы (Клепикова, 2013) для 2000–2010 гг. расходятся с результатами (Рощин, 2003), полученными для более раннего периода 1994–2000 гг.

Интересно также было бы применить к России анализ (Galasso, Profeta, 2011), чтобы оценить, насколько текущая российская пенсионная система *соответствует* культурным особенностям страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гурвич Е., Сони́на Ю. (2012). Микроанализ российской пенсионной системы // *Вопросы экономики*. № 2. С. 27–51.
- Даниелян В. А. (2016b). Индивидуальные детерминанты пенсионного возраста: обзор исследований // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 3. С. 171–202.
- Даниелян В. А. (2016a). Влияние характеристик пенсионной системы на возраст выхода с рынка труда: обзор исследований // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. № 4(32). С. 76–87.
- Клепикова Е. А. (2013). Моделирование предложения труда российских граждан пенсионного возраста на панельных данных РМЭЗ. В сб.: *«Сборник лучших выпускных работ 2012»*. Москва: Изд. дом НИУ ВШЭ. С. 365–395.
- Назаров В. С., Дормидонтова Ю. А., Ляшок В. Ю. (2014). Анализ факторов, влияющих на принятие решения о выходе на пенсию // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 24. С. 66–86.
- Рощин С. Ю. (2003). Предложение труда в России: микроэкономический анализ экономической активности населения. Препринт WP3/2003/02. Москва: ГУ ВШЭ.

- Соловьев А. К.** (2012). Проблемы формирования страховой пенсионной системы России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 14. С. 83–101.
- Aggarwal R., Goodell J. W.** (2013). Political-Economy of Pension Plans: Impact of Institutions, Gender, and Culture. [Электронный ресурс] // *Journal of Banking & Finance*. Vol. 37. No. 6. P. 1860–1879. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/a/eee/jbfin/v37y2013i6p1860-1879.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Apps P., Rees R.** (2001). Household Production, Full Consumption and the Costs of Children // *Labour Economics*. Vol. 8. No. 6. P. 621–648.
- Armijo L. E.** (2007). The Brics Countries (Brazil, Russia, India, and China) as Analytical Category: Mirage or Insight? // *Asian Perspective*. Vol. 31. No. 4. P. 7–42.
- Aubert P., Caroli E., Muriel R.** (2006). New Technologies, Organisation and Age: Firm-Level Evidence // *The Economic Journal*. Vol. 116. No. 509. P. F73–F93.
- Bartel A.P., Sicherman N.** (1993). Technological Change and Retirement Decisions of Older Workers // *Journal of Labor Economics*. Vol. 11. No. 1. P. 162–183.
- Beckmann M.** (2007). Age-Biased Technological and Organizational Change: Firmlevel Evidence and Management Implications (Discussion Paper No. 05/07). Center of Business and Economics (WWZ).
- Beehr T.A., Glazer S., Nielson N.L., Farmer S.J.** (2000). Work and Nonwork Predictors of Employees' Retirement Ages // *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 57. No. 2. P. 206–225.
- Ben-Porath Y.** (1967). The Production of Human Capital and the Life Cycle of Earnings // *The Journal of Political Economy*. Vol. 75. No. 4. P. 352–365.
- Berkovec J., Stern S.** (1991). Job Exit Behavior of Older Men. [Электронный ресурс] // *Econometrica*. Vol. 59. No. 1. P. 189–210. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/a/ectm/emetpr/v59y1991i1p189-210.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Blau D.M., Gilleskie D. B.** (2008). The Role of Retiree Health Insurance in the Employment Behavior of Older Men // *International Economic Review*. Vol. 49. No. 2. P. 475–514.
- Blau D.M., Robins Ph.K.** (1988). Child-Care Costs and Family Labor Supply // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 70. No. 3. P. 374–381.
- Blöndal S., Blöndal S. S.** (1999). The Retirement Decision in OECD Countries. Rep. OECD Publishing.
- Boskin M. J.** (1977). Social Security and Retirement Decisions // *Economic Inquiry*. Vol. 15. No. 1. P. 1–25.
- Chou Y.-J., Staiger D.** (2001). Health Insurance and Female Labor Supply in Taiwan // *Journal of Health Economics*. Vol. 20. No. 2. P. 187–211.
- Cremer H., Lozachmeur J.-M., Pestieau P.** (2004). Social Security, Retirement Age and Optimal Income Taxation // *Journal of Public Economics*. Vol. 88. No. 11. P. 2259–2281. Trans-Atlantic Public Economics Seminar.
- Cremer H., Lozachmeur J.-M., Pestieau P.** (2008). Social Security and Retirement Decision: a Positive and Normative Approach // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 22. No. 2. P. 213–233.
- Croix D. de la, Pierrard O., Sneessens H. R.** (2013). Aging and Pensions in General Equilibrium: Labor Market Imperfections Matter // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol. 37. No. 1. P. 104–124.
- Desmet R., Jousten A., Perelman S.** (2005). The Benefits of Separating Early Retirees from the Unemployed: Simulation Results for Belgian Wage Earners: Discussion Paper. IZA.
- Dorn D., Sousa-Poza A.** (2010). 'Voluntary' and 'Involuntary' early Retirement: an International Analysis // *Applied Economics*. Vol. 42. No. 4. P. 427–438.
- Elovainio M., Forma P., Kivimaki M., Sinervo T., Sutinen R., Laine M.** (2005). Job Demands and Job Control As Correlates of Early Retirement Thoughts in Finnish Social and Health Care Employees // *Work & Stress*. Vol. 19. No. 1. P. 84–92.
- Farré L., González L. L., Ortega F.** (2009). Immigration, Family Responsibilities and the Labor Supply of Skilled Native Women. [Электронный ресурс] Economics Working Papers 1161. Department of Economics and Business, Universitat Pompeu Fabra. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/p/upf/upfgen/1161.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- French E., Jones J. B.** (2011). The Effects of Health Insurance and Self-Insurance on Retirement Behavior // *Econometrica*. Vol. 79. No. 3. P. 693–732.

- Fürnkranz-Prskawetz A., Sanchez R. M., d'Albis H.** (2015). Bartel Education, lifetime Labor Supply, and Longevity Improvements.
- Galasso V., Profeta P.** (2004). Lessons for an Ageing Society: the Political Sustainability of Social Security Systems. [Электронный ресурс] // *Economic Policy, CEPR; CES; MSH*. Vol. 19. No. 38. P. 63–115. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/a/bla/escpol/v19y2004i38p63-115.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Galasso V., Profeta P.** (2011). When the State Mirrors the Family: the Design of Pension Systems. Rep. Center for Research on Pensions and Welfare Policies, Turin (Italy).
- Grip A. de, Loo J. van** (2002). The Economics of Skills Obsolescence: A Review // *The Economics of Skills Obsolescence*. Vol. 21. P. 1–26.
- Gruber J., Orszag P.** (2003). Does the Social Security Earnings Test Affect Labor Supply and Benefits Receipt? [Электронный ресурс] // *National Tax Journal*. Vol. 56. No. 4. P. 755–73. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/a/ntj/journal/v56y2003i4p755-73.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Gustman A.L., Steinmeier T. L.** (1994). Employer-Provided Health Insurance and Retirement Behavior // *Industrial & Labor Relations Review*. Vol. 48. No. 1. P. 124–140.
- Gustman A.L., Steinmeier T. L.** (2000). Retirement in Dual-Career Families: a Structural Model // *Journal of Labor Economics*. Vol. 18. No. 3. P. 503–545.
- Gustman A.L., Steinmeier T. L.** (2014). The Role of Health in Retirement. [Электронный ресурс] NBER Working Papers 19902. National Bureau of Economic Research, Inc. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/19902.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Hakola T.** (2002). Alternative Approaches to Model Withdrawals from the Labour Market a Literature Review. Rep. Working Paper. Department of Economics, Uppsala University.
- Hakola T., Uusitalo R.** (2005). Not So Voluntary Retirement Decisions? Evidence from a Pension Reform // *Journal of Public Economics*. Vol. 89. No. 11. P. 2121–2136.
- Hansen C.W., Lenstrup L.** (2011). Life expectancy and Income: The Ben-Porath Mechanism Revisited. Rep. Department of Business and Economics, University of Southern Denmark.
- Hazan M.** (2009). Longevity and Lifetime Labor Supply: Evidence and Implications // *Econometrica*. Vol. 77. No. 6. P. 1829–1863.
- Hernæes E., Jia Z.** (2012). Earning Distribution and Labour Supply after a Retirement Earnings Test Reform. [Электронный ресурс] Memorandum 01/2012. Oslo University, Department of Economics. Режим доступа: http://ideas.repec.org/p/hhs/osloec/2012_001.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Hutchens R.** (1999). Social Security Benefits and Employer Behavior: Evaluating Social Security Early Retirement Benefits As a Form of Unemployment Insurance // *International Economic Review*. Vol. 40. No. 3. P. 659–678.
- Johnson R. W., Penner R. G., Toohey D.** (2008). Do Out-of-Pocket Health Care Costs Delay Retirement? [Электронный ресурс] Working Papers, Center for Retirement Research at Boston College wp2008–4. Center for Retirement Research. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/p/crr/crrwps/wp2008-4.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Kail B. L.** (2011). Coverage or Costs: The Role of Health Insurance in Labor Market Reentry Among Early Retirees // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 67. No. 1. P. 113–120.
- Kalemli-Ozcan S., Weil D. N.** (2010). Mortality Change, the Uncertainty Effect, and Retirement // *Journal of Economic Growth*. Vol. 15. No. 1. P. 65–91.
- Karasek J. R. A.** (1979). Job Demands, Job Decision Latitude, and Mental Strain: Implications for Job Redesign // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 24. No. 2. P. 285–308.
- Клепикова Е. А.** (2015). Estimating the Relationship between Health and Employment of Russian People in Pensionable Age. [Электронный ресурс] HSE Working papers WP BRP 100/EC/2015. National Research University Higher School of Economics. Режим доступа: <https://ideas.repec.org/p/hig/wpaper/100-ec-2015.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).
- Lagos F., Lacomba J.** (2005). The Role of Immigration in the Retirement Age Reform: A Theoretical Analysis // *The BE Journal of Economic Analysis & Policy*. Vol. 5. No. 1. P. 1447–1467.
- Levin V.** (2015). Promoting Active Aging in Russia: Working Longer and More Productively. Rep. Russian Federation Aging Project. Washington: World Bank Group. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://documents>.

worldbank.org/curated/en/2015/09/25045636/promoting-active-aging-russia-working-longer-more-productively, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).

Lumsdaine R.L., Stock J.H., Wise D.A. (1994). Pension Plan Provisions and Retirement: Men and Women, Medicare, and Models. NBER Working Paper. No. 4201.

Mao H., Ostaszewski K.M., Wang Y. (2014). Optimal Retirement Age, Leisure and Consumption [Электронный ресурс] // *Economic Modelling*. Vol. 43. No. 0. P. 458–464. Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264999314003290>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).

Mitchell O.S., Fields G.S. (1981). The Effects of Pensions and Earnings on Retirement: A Review Essay // *Research in Labor Economics*. Vol. 5. Pp. 115–155.

Mocan N.H., Pogorelova L. (2015). Why Work More? The Impact of Taxes, and Culture of Leisure on Labor Supply in Europe. [Электронный ресурс] NBER Working Papers 21297. National Bureau of Economic Research, Inc. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/21297.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).

Montalto C. Ph., Yoonkyung Y., Sherman H. (2000). Determinants of Planned Retirement Age // *Financial Services Review*. Vol. 9. No. 1. P. 1–15.

OECD (2014). Society at a Glance 2014. OECD Social Indicators. OECD Publishing.

OECD (2015). Pensions at a Glance 2015. OECD Publishing.

Pastore F., Tenaglia S. (2013). Ora et non Labora? A Test of the Impact of Religion on Female Labor Supply. [Электронный ресурс] IZA Discussion Papers 7356. Institute for the Study of Labor (IZA). Режим доступа: <http://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp7356.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).

Riedel M., Hofer H. (2013). Determinants of the Transition from Work into Retirement: Rep. NRN Working Paper, NRN: The Austrian Center for Labor Economics and the Analysis of the Welfare State.

Riedel M., Hofer H. (2015). Wögerbauer Birgit. Determinants for the Transition from Work into Retirement in Europe [Электронный ресурс] // *IZA Journal of European Labor Studies*. Vol. 4. No. 1. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1186/s40174-014-0027-5>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).

Romiti A., Rossi M. (2011). Should We Retire Earlier in Order to Look after our Parents? The Role of Immigrants. CeRP Working Papers. Center for Research on Pensions and Welfare Policies, Turin (Italy).

Schmähl W. (2003). Ageing Workforce: Firm Strategies and Public Policy in Germany // *Geneva Papers on Risk and Insurance. Issues and Practice*. Vol. 28. No. 4. P. 575–595.

Taylor P. (2001). Analysis of Ways to Improve Employment Opportunities for Older Workers: Report to the European Commission. European Commission.

Troshkin M., Shourideh A. (2014). Providing Efficient Incentives to Work: Retirement Ages and the Pension System. [Электронный ресурс] Meeting Papers 1319. Society for Economic Dynamics. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/p/red/sed014/1319.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2016 г.).

Vermeer N., Rooij M. van, Vuuren D. J. van. (2014). Social Interactions and the Retirement Age. *Netspar Discussion Paper* No. 10/2014–075.

Поступила в редакцию
28.04.2016 г.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

Aggarwal R., Goodell J.W. (2013). Political-Economy of Pension Plans: Impact of Institutions, Gender, and Culture. *Journal of Banking & Finance* 37, 6, 1860–1879. Available at: <http://ideas.repec.org/a/eee/jbfina/v37y2013i6p1860-1879.html> (accessed: August 2016).

Apps P., Rees R. (2001). Household Production, Full Consumption and the Costs of Children. *Labour Economics* 8, 6, 621–648.

Armijo L.E. (2007). The Brics Countries (Brazil, Russia, India, and China) as Analytical Category: Mirage or Insight? *Asian Perspective* 31, 4, 7–42.

Aubert P., Caroli E., Muriel R. (2006). New Technologies, Organisation and Age: Firm-Level Evidence. *The Economic Journal* 116, 509, F73–F93.

- Bartel A.P., Sicherman N.** (1993). Technological Change and Retirement Decisions of Older Workers. *Journal of Labor Economics* 11, 1, 162–183.
- Beckmann M.** (2007). Age-Biased Technological and Organizational Change: Firmlevel Evidence and Management Implications (Discussion Paper No. 05/07). Center of Business and Economics (WWZ).
- Beehr T.A., Glazer S., Nielson N.L., Farmer S.J.** (2000). Work and Nonwork Predictors of Employees' Retirement Ages. *Journal of Vocational Behavior* 57, 2, 206–225.
- Ben-Porath Y.** (1967). The Production of Human Capital and the Life Cycle of Earnings. *The Journal of Political Economy* 75, 4, 352–365.
- Berkovec J., Stern S.** (1991). Job Exit Behavior of Older Men. *Econometrica* 59, 1, 189–210. URL: Available at: <http://ideas.repec.org/a/econ/emetrp/v59y1991i1p189-210.html> (accessed: August 2016).
- Blau D.M., Gilleskie D.B.** (2008). The Role of Retiree Health Insurance in the Employment Behavior of Older Men. *International Economic Review* 49, 2, 475–514.
- Blau D.M., Robins Ph.K.** (1988). Child-Care Costs and Family Labor Supply. *The Review of Economics and Statistics* 70, 3, 374–381.
- Blöndal S., Blöndal S.S.** (1999). The Retirement Decision in OECD Countries. Rep. OECD Publishing.
- Boskin M.J.** (1977). Social Security and Retirement Decisions. *Economic Inquiry* 15, 1, 1–25.
- Chou Y.-J., Staiger D.** (2001). Health Insurance and Female Labor Supply in Taiwan. *Journal of Health Economics* 20, 2, 187–211.
- Cremer H., Lozachmeur J.-M., Pestieau P.** (2004). Social Security, Retirement Age and Optimal Income Taxation. *Journal of Public Economics* 88, 11, 2259–2281. Trans-Atlantic Public Economics Seminar.
- Cremer H., Lozachmeur J.-M., Pestieau P.** (2008). Social Security and Retirement Decision: a Positive and Normative Approach. *Journal of Economic Surveys* 22, 2, 213–233.
- Croix D. de la, Pierrard O., Sneessens H.R.** (2013). Aging and Pensions in General Equilibrium: Labor Market Imperfections Matter. *Journal of Economic Dynamics and Control* 37, 1, 104–124.
- Danielyan V.A.** (2016b). Individual Determinants of Pension Age: Review of Researches. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* 3, 171–202 (in Russian).
- Danielyan V.A.** (2016a). Social Security Determinants of the Retirement Age: a Literature Review. *Financial Research Institute. Financial Journal* 32, 4, 76–87 (in Russian).
- Desmet R., Jousten A., Perelman S.** (2005). The Benefits of Separating Early Retirees from the Unemployed: Simulation Results for Belgian Wage Earners: Discussion Paper. IZA.
- Dorn D., Sousa-Poza A.** (2010). 'Voluntary' and 'Involuntary' early Retirement: an International Analysis. *Applied Economics* 42, 4, 427–438.
- Elovainio M., Forma P., Kivimäki M., Sinervo T., Sutinen R., Laine M.** (2005). Job Demands and Job Control As Correlates of Early Retirement Thoughts in Finnish Social and Health Care Employees. *Work & Stress* 19, 1, 84–92.
- Farré L., González L.L., Ortega F.** (2009). Immigration, Family Responsibilities and the Labor Supply of Skilled Native Women. Economics Working Papers 1161. Department of Economics and Business, Universitat Pompeu Fabra. Available at: <http://ideas.repec.org/p/upf/upfgen/1161.html> (accessed: August 2016).
- French E., Jones J.B.** (2011). The Effects of Health Insurance and Self-Insurance on Retirement Behavior. *Econometrica* 79, 3, 693–732.
- Fürnkranz-Prskawetz A., Sanchez R.M., d'Albis H.** (2015). Bartel Education, lifetime Labor Supply, and Longevity Improvements.
- Galasso V., Profeta P.** (2004). Lessons for an Ageing Society: the Political Sustainability of Social Security Systems. *Economic Policy, CEPR; CES; MSH* 19, 38, 63–115. Available at: <http://ideas.repec.org/a/bla/ecpoli/v19y2004i38p63-115.html> (accessed: August 2016).
- Galasso V., Profeta P.** (2011). When the State Mirrors the Family: the Design of Pension Systems. Rep. Center for Research on Pensions and Welfare Policies, Turin (Italy).
- Grip A. de, Loo J. van** (2002). The Economics of Skills Obsolescence: A Review. *The Economics of Skills Obsolescence* 21, 1–26.
- Gruber J., Orszag P.** (2003). Does the Social Security Earnings Test Affect Labor Supply and Benefits Receipt? *National Tax Journal* 56, 4, 755–73. Available at: <http://ideas.repec.org/a/ntj/journal/v56y2003i4p755-73.html> (accessed: August 2016).

- Gurvich E. T., Sonina U. V.** (2012). Microanalysis of the Russia's Pension System. *Voprosy Ekonomiki* 2, 27–51 (in Russian).
- Gustman A.L., Steinmeier T. L.** (1994). Employer-Provided Health Insurance and Retirement Behavior. *Industrial & Labor Relations Review* 48, 1, 124–140.
- Gustman A.L., Steinmeier T. L.** (2000). Retirement in Dual-Career Families: a Structural Model. *Journal of Labor Economics* 18, 3, 503–545.
- Gustman A. L., Steinmeier T. L.** (2014). The Role of Health in Retirement. NBER Working Papers 19902. National Bureau of Economic Research, Inc. Available at: <http://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/19902.html> (accessed: August 2016).
- Hakola T.** (2002). Alternative Approaches to Model Withdrawals from the Labour Market a Literature Review. Rep. Working Paper. Department of Economics, Uppsala University.
- Hakola T., Uusitalo R.** (2005). Not So Voluntary Retirement Decisions? Evidence from a Pension Reform. *Journal of Public Economics* 89, 11, 2121–2136.
- Hansen C. W., Lenstrup L.** (2011). Life expectancy and Income: The Ben-Porath Mechanism Revisited. Rep. Department of Business and Economics, University of Southern Denmark.
- Hazan M.** (2009). Longevity and Lifetime Labor Supply: Evidence and Implications. *Econometrica* 77, 6, 1829–1863.
- Hernæs E., Jia Z.** (2012). Earning Distribution and Labour Supply after a Retirement Earnings Test Reform. Memorandum 01/2012. Oslo University, Department of Economics. Available at: http://ideas.repec.org/p/hhs/osloec/2012_001.html (accessed: August 2016).
- Hutchens R.** (1999). Social Security Benefits and Employer Behavior: Evaluating Social Security Early Retirement Benefits As a Form of Unemployment Insurance. *International Economic Review* 40, 3, 659–678.
- Johnson R. W., Penner R. G., Toohey D.** (2008). Do Out-of-Pocket Health Care Costs Delay Retirement? Working Papers, Center for Retirement Research at Boston College wp2008–4. Center for Retirement Research. Available at: <http://ideas.repec.org/p/crr/crrwps/wp2008-4.html> (accessed: August 2016).
- Kail B. L.** (2011). Coverage or Costs: The Role of Health Insurance in Labor Market Reentry Among Early Retirees. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences* 67, 1, 113–120.
- Kalemli-Ozcan S., Weil D. N.** (2010). Mortality Change, the Uncertainty Effect, and Retirement. *Journal of Economic Growth* 15, 1, 65–91.
- Karasek J. R. A.** (1979). Job Demands, Job Decision Latitude, and Mental Strain: Implications for Job Redesign. *Administrative Science Quarterly* 24, 2, 285–308.
- Klepikova E. A.** (2013). Labour Supply Modelling of the Russian Citizens of the Retirement Age on the Panel RMEZ Data. In: “*Sbornik luchshih vypusknyh rabot 2012*”. Moscow: HSE Publishing House, 365–395 (in Russian).
- Klepikova E. A.** (2015). Estimating the Relationship between Health and Employment of Russian People in Pensionable Age. HSE Working papers WP BRP 100/EC/2015. National Research University Higher School of Economics. Available at: <https://ideas.repec.org/p/hig/wpaper/100-ec-2015.html> (accessed: August 2016).
- Lagos F., Lacomba J.** (2005). The Role of Immigration in the Retirement Age Reform: A Theoretical Analysis. *The BE Journal of Economic Analysis & Policy*, 5, 1, 1447–1467.
- Levin V.** (2015). Promoting Active Aging in Russia: Working Longer and More Productively. Rep. Russian Federation Aging Project. Washington: World Bank Group. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2015/09/25045636/promoting-active-aging-russia-working-longer-more-productively>. (accessed: August 2016).
- Lumsdaine R. L., Stock J. H., Wise D. A.** (1994). Pension Plan Provisions and Retirement: Men and Women, Medicare, and Models. NBER Working Paper No. 4201.
- Mao H., Ostaszewski K. M., Wang Y.** (2014). Optimal Retirement Age, Leisure and Consumption. *Economic Modelling* 43, 0, 458–464. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264999314003290> (accessed: August 2016).
- Mitchell O. S., Fields G. S.** (1981). The Effects of Pensions and Earnings on Retirement: A Review essay. *Research in Labor Economics* 5, 115–155.
- Mocan N. H., Pogorelova L.** (2015). Why Work More? The Impact of Taxes, and Culture of Leisure on Labor Supply in Europe. NBER Working Papers 21297. National Bureau of Economic Research, Inc. Available at: <http://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/21297.html> (accessed: August 2016).
- Montalto C. Ph., Yoonkyung Y., Sherman H.** (2000). Determinants of Planned Retirement Age. *Financial Services Review* 9, 1, 1–15.

- Nazarov V. S., Dormidontova Y. A., Lyashok V. Y.** (2014). Analysis of Factors that Influence Workers' Decision to Retire. *Journal of the New Economic Association* 4, 66–86 (in Russian).
- OECD (2014). Society at a Glance 2014. OECD Social Indicators. OECD Publishing.
- OECD (2015). Pensions at a Glance 2015. OECD Publishing.
- Pastore F., Tenaglia S.** (2013). Ora et non Labora? A Test of the Impact of Religion on Female Labor Supply. IZA Discussion Papers 7356. Institute for the Study of Labor (IZA). Available at: <http://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp7356.html> (accessed: August 2016).
- Riedel M., Hofer H.** (2013). Determinants of the Transition from Work into Retirement: Rep. NRN Working Paper, NRN: The Austrian Center for Labor Economics and the Analysis of the Welfare State.
- Riedel M., Hofer H.** (2015). Wögerbauer Birgit. Determinants for the Transition from Work into Retirement in Europe. *IZA Journal of European Labor Studies* 4, 1. Available at: <http://dx.doi.org/10.1186/s40174-014-0027-5> (accessed: August 2016).
- Romiti A., Rossi M.** (2011). Should We Retire Earlier in Order to Look after our Parents? The Role of Immigrants. CeRP Working Papers. Center for Research on Pensions and Welfare Policies, Turin (Italy).
- Roshchin S. Yu.** (2003). Labour Supply in Russia: Microeconomic Analysis of People Economic Activity. Working paper WP3/2003/02. Moscow: GU VShE (in Russian).
- Schmähl W.** (2003). Ageing Workforce: Firm Strategies and Public Policy in Germany. *Geneva Papers on Risk and Insurance. Issues and Practice* 28, 4, 575–595.
- Solov'yev A. K.** (2012). Problems of the Insurance of Pension System Formation in the Russian Federation. *Journal of the New Economic Association* 2, 83–101 (in Russian).
- Taylor P.** (2001). Analysis of Ways to Improve Employment Opportunities for Older Workers: Report to the European Commission. European Commission.
- Troshkin M., Shourideh A.** (2014). Providing Efficient Incentives to Work: Retirement Ages and the Pension System. Meeting Papers 1319. Society for Economic Dynamics. Available at: <http://ideas.repec.org/p/red/sed014/1319.html> (accessed: August 2016).
- Vermeer N., Rooij M. van, Vuuren D. J. van.** (2014). Social Interactions and the Retirement Age. Netspar Discussion Paper No. 10/2014–075.

Received 28.04.2016

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF RETIREMENT AGE: LITERATURE REVIEW*

V. A. DANIELYAN¹⁴

Abstract. The paper reviews publications on retirement considering socio-economic determinants of retirement age. We explore, describe, compare findings of both theoretical, empirical works to reveal some stylized facts of older persons retirement behavior as well as presented in the publications' explanations of those facts. We summarize results that concern effects of technical, organizational change, unemployment rate, medical insurance, service sector availability, cultural characteristics on retirement behavior of older workers. Next we try to compare influence of some considered factors on Russian workforce with that influence in the other countries, using obtained information in review as a background.

Keywords: retirement age determinants, labor force participation of older workers, life expectancy, technical changes, cultural characteristics.

JEL Classification: J26, J14.

* The research was funded by “Rossijskij gumanitarnyj nauchnyj fond” fund, project No. 14–02–00234a “Metodologiya proektirovaniya institucionalnyh reform”.

¹⁴ **Vladimir A. Danielyan** – Reseach Engineer, Researcher at Laboratory of Mathematical Economics at the Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; v.danielyan@gmail.com.